

Сибирский писатель Анатолий Байбородин в Братске

Позвонила Зинаида Мирских, наша братская поэтесса, замечательный человек. Сказала, что к нам в Братск приезжает известный сибирский писатель Анатолий Григорьевич Байбородин. Доподлинно ведомо мне, что о творчестве Анатолия Григорьевича очень тепло отзывался великий русский писатель Валентин Григорьевич Распутин. Знал я и высказывание Анатолия Григорьевича о том, что, если подвести черту и определить, кого можно было бы назвать совестью русской литературы, то, несомненно, в этом почётном списке прозвучало бы имя моего любимого писателя Василия Ивановича Белова

После звонка Зинаиды Мирских разволновался, ибо писатели-деревенщики для меня – понятие святое. А Анатолий Григорьевич Байбородин, безусловно, самый что ни на есть писатель-деревенщик. Дни до встречи пролетели в извечной суетности нашей жизни быстрёхонько. И вот я спешу в центральную библиотеку города Братска.

Город наш разбит на части, говорят, такого города, по разброшенности, больше нет нигде в мире. От моего посёлка Гидростроитель надо добраться до посёлка Энергетик, там пересесть на другой автобус, минуя посёлок Падун, ехать надо в общей сложности тридцать семь километров, а ведь есть ещё посёлки Осиновка, Сухой, и, наконец, центральный Братск. Одна немка, приехавшая к моему другу в гости, поглядев на это, немало удивилась. Радовалась, словно ребёнок, лесу по обочинам дороги, удивлялась, сколько много леса, высказывала свои восторги о необъятности нашей Сибири. (Ох, если бы ты знала, немка, сколько леса было раньше, точно бы в обморок упала).

Когда её с центрального Братска привезли в посёлок Энергетик, она подумала, что она уже в другом городе, была поражена Братской ГЭС. Когда затем привезли её в наш посёлок Гидростроитель и сказали, что это тоже Братск, немка широко открыла рот и долго была в шоке... И вот я в центральной библиотеке, народу в ожидании писателя не так много, может быть, человек двадцать, от

силы – двадцать пять.

Тихо вошёл человек, был он худощав, невысокого роста, сед, очень скромно одет. Это и был Анатолий Григорьевич Байбородин. Не удержавшись, я подошёл, поздоровался и почему-то погладил его по плечу, сказав:

– Слава Богу, приехали.

Перед выступлением писателя успеваю заметить среди присутствующих дорогих моих братских поэтесс: Эмму Гриб, Татьяну Чемезову, Зинаиду Мирских, библиотекарей: Раису Ивановну Кучмук, Ларису Михайловну Насачевскую, Оксану Константинову, журналиста Ольгу Артюхову. По-настоящему радует душу, что все мы очень дружны между собою, мы ведь, слава Богу, не в век компьютеров рождены. Перед началом беседы мы увидели на экране фильм, фотографии из архива писателя. Наша замечательная библиотекарка Лариса Михайловна с огромным почтением представила Анатолия Григорьевича. С волнением она говорила: «В современной литературе уже не часто встретишь, как автор описывает нашу сибирскую природу, вы это делаете, словно добрый волшебник, прекрасный слог по-хорошему завораживает и радует душу».

Дедушка писателя Лазарь Андриевский прожил сто шесть лет, своей долгой жизнью, кондовым укладом он во многом помог сформироваться будущему сибирскому писателю.

Известный писатель Владимир Личутин писал: «Читал книгу повестей и рассказов Анатолия Байбородина и радовался – вот во глубине Сибирской какой писатель возрос», своим восторгом поделился с Валентином Распутиным, и тот подтвердил, сказав: «Анатолий Байбородин, наверное, один из самых первых стилистов и знатоков русского сибирского слова».

Анатолий Байборodin с Василием Беловым

Лариса Михайловна предоставила слово Анатолию Григорьевичу, и живое его слово, словно весенний ручеек, досыта напитавшийся разнотравьем, полилось в наши души, а мы и не заметили, как начали хлебать деревянными ложками эту наипользительную для сердца похлёбку долгожданных старинных русских словес:

- Раньше была добрая традиция домашнего чтения. Читались не только стихи, но и проза. Это объединяло людей.

Я родился в крестьянской семье. Были в нашей деревне охотники, скотоводы, рыбаки, ведь природа-то наша - лесостепи, вот и спасали рыбой наш народ многочисленные озёра (их было тридцать), добывалось в них рыбы, как с половины Байкала.

Понятие крестьянский мир – это целая цивилизация, мир очень сложный, непостижимый. Наши великие русские писатели Белов, Распутин лишь прикоснулись к этой крестьянской цивилизации – и уже стали Великими. Непостижимо трудно об этом говорить. Если какой-нибудь гениальный, выдающийся художник напишет замечательную картину, на которой будет изображён ангарский закат или рассвет, то именно закат и рассвет будут намного гениальнее его картины.

Вдумайтесь, раньше девяносто процентов населения России были крестьянами. Когда раньше говорили о народе, всегда имели в виду именно крестьянина. В советское время чурались этого слова, крестьяне назывались колхозниками. Бабушка моя, когда рассказывалась в ведомости, ставила крестик, была безграмотной, и мне маленькому казалось, что фамилия у неё – Крест. Но у неё в сознании были отзвуки вселенского крестьянского знания, она знала небосвод, звёзды. По звёздам она знала множество примет, ведала всякую травинку, былинку.

Это академику надо было много и долго учиться всему этому, а бабушка моя всё это природное знала, была мудрее академика, хоть и не ведала книжной грамоты.

В те времена крестьяне боялись книжной грамотности. Душа – она как чистый лист: или туда впишутся Божьи глаголы, или суетные порочные письма... Я был тогда маленьким, а родные мои, хоть и были неграмотные, всегда с огромным вниманием слушали по радио спектакли. Радио было в виде тарелки, старенькое, вещали, например, «Тихий Дон», так казалось: все жители села в это время у приёмника – живое слово шло. В девятнадцатом веке было искусство дворянское, двадцатый всё же – искусство народное» . . .

В этот момент мне позвонили по сотовому телефону, и я был вынужден прервать запись на диктофон. Сколько ни предупреждай своих близких, что буду записывать важные для моего нутра слова, всё одно кто-нибудь позвонит. Расстроился ещё больше оттого, что узнал, что мой друг, священник Андрей Огородников попал в аварию, сам, слава Богу, остался жив, и всё обошлось.

Помолившись, снова включаю диктофон, что-то надобно запомнить, но голова стала плохо воспринимать, потому, ты уж не подведи меня, сотовый телефон. Писатель в это время читал выдержку из своего очерка «Счастье». Накануне мой друг Сергей Георгиевич Кириллов, создатель сайта «Имена Братска», поместил информацию о приезде Анатолия Григорьевича Байбородина. Именно на Серёжином сайте я и прочитал ставший для меня великим очерк «Счастье».

Не удержавшись, привожу выдержки, которые читал писатель, дивлюсь немало услышанному – вот где глубина духовно-нравственной мысли, действительно, это стихия непостижимого крестьянского мира:

СЧАСТЬЕ ИЛИ НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

«Диву даюсь, столь милостиво приветил Господь мою судьбу, хотя жил и в безбожии, и во грехах, как в шелках, стгорая в страстях дольного мира, не ведая о мире горнем. Оглядел тихим душевным оком нажитую жизнь от таёжного и полевого, от речного и озёрного деревенского рассвета до старгородского заката и подивился: верно молвлено: не было бы счастья, да несчастье помогло. Ибо нет худа без добра. . . .

Худо с добром - Счастье. Явился я на

Божий свет поздним и непутевым парнишкой ...заскрёбьш, поздонушко, отхон... к сему родился шестипалым, и чуть не помер младенцем от воспаления лёгких, едва отвадился, а посему ...и что сдуру кинулся в писательство... матушка жалела меня, как Иванушку дурачка; жалела сильнее, чем старших братьев, а сердобольные сёстры опекали, одевали и обували меня, студента прохладной жизни, потом нищего сочинителя, за что я вывел братьев и сестёр добрыми героями своих сочинений. Лишние пальцы отсушили и отсекли в младенчестве, но порой оживал и змеился февральской позёмкой язвительный слушок: «лукавый пометил...», ну, да на всякий роток не накинешь платок, и усмехаюсь я на суеверные суесловия с высокой колокольни.

Счастье: рос я впроголодь ...не одыбали после войны, а посему ведаю цену хлеба на скобленной дожелта столешне и златогривой ниве, и четверть века внушаю домочадцам беречь хлеб, как и прочее добро, нажитое горбом.

Счастье: жили мы в стуже и нуже, но бедность и породила жажду выбиться в люди и зажить побогаче – вроде, из деревенской грязи в паркетные князи. А посему смалу пришлось вкалывать, засучив рукава, и хотя живу не до жиру, быть бы живу, но лишь в

азартной, изнуряющей пахоте дремлют мои языческие страсти, расцветающие буйно-лиловым чертополохом в праздности. А ежли бы смалу и по сивую гриву ведал страх Божий перед смертными грехами, вышел бы в благочестивые деревенские мужики, что крестят лоб не по привычке, а по вере православной, по жажде наследовать Царствие Небесное.

Счастье: от нужды матушка сплавляла меня малого в село Погромна к тете Вале, где жили посытнее, и там я, несмышлёныш, набирался ума от столетнего деда Лазаря, почившего в Бозе на сто шестом году своего

долгого века.

Счастье: родился я в многочадливой семье. Матушка моя Софья Лазаревна Андриевская – из староверов-семейских [старообрядкой была лишь по родовому кореню, по вере и молитве – в Русской Православной Церкви, чураясь семейских-староверов, и отец, Григорий Григорьевич Байбородин, забайкальский гуран [гуран – русский забайкалец, в близкой родне которого были тунгусы либо буряты, что выражалось в облике и повадках], вырастили нас восьмерых. Пятерых старших матушка тянула одна пять голодных и голых военных лет.

Счастье: в многодетной бедной деревенской семье сызмала заставляли вкалывать от зари до зари, чистить коровьи стайки, носить воду с озера, поить коров, колоть дрова, копать картошку, удить рыбу, собирать брусницу, голубицу..., чем и разоггли азарт к труду и тоску в праздности, что позволило, несмотря на вечную нужду и грошовый отхожий промысел, сочинить романы, повести, рассказы и очерки, в коих я восславил смиренных и трудолюбивых родичей».

И вот теперь я слушал самого автора прочитанных мной слов. После отрывков из очерка Анатолий Григорьевич поведал нам о своём дед Лазаре, герое многих его произведений. О том, что прожил дед долгих сто шесть лет, что он является главным героем повести «Не родит сокола сова». Родился Лазарь в 1850 году, умер в 1956 году. Родители из семейских – староверов. Говорили, что его предки поляки. Когда произошёл церковный раскол при Никоне, староверы разбежались по всей Руси. Соловецкий монастырь, например, староверский. «Сейчас трудно во всём разобраться, бывало, записывали всех под одну фамилию, и кто там был русский, кто поляк – поди разбери».

Слушал писателя, а сознание проваливалось в роман «Поздний сын». Деревенские мальчишки мечтали поест мороженого, а вы в глаза его ни разу не видели. До города было триста километров непростой дороги. Один мальчуган говорил, что съел бы целую бочку мороженого... Каждый деревенский пацан мечтал о брюках с карманами. А один ещё пуще выдумал, говорил, что на небе сидят тоже, как и они тут, на земле, с удочками. Только наживка у них – сочное вкусное яблоко, и что, якобы, он чуть не укусил...

Описывался в романе случай, который был и в моём детстве. То есть, ежели у тебя обнова, то её надобно было обновить. Одному мальчишке купили брюки с карманами – невидаль великая в то время. Пришёл, глядит на всех, и кто же глядел на него? Разве на друзьях были штаны? Как вспоминает сам писатель, в них только из подворотни выглядывать. Так, пошьёт мать что-то, и – бегай, а кто и без штанов совсем. Мальчишку того сразу искупали в воде, обиженный, он убежал домой и плакал. Было, было, было это и в моём детстве, хоть и родился я в молодом, только-только строящемся Братске. Мама растила меня одного, соответственно, лучше одевала, чем соседи по бараку. А соседями были пять братьев Бутылкин своих детей. Словом, доставалось когда-то и мне.

В книге очень ярко описан деревенский быт, а сколько там слов, которых нынче не услышишь, не отыщешь днём с огнём. И невольно ловишь себя на простой, но всерьёз тревожащей душу мысли, как прав был Валентин Распутин, говоря о Байбородине, что тот мастер сибирского слова, которое нынче, мягко говоря, замалчивается. Переключаюсь от грустных мыслей и продолжаю вслушиваться в то, о чём говорит писатель:

«После смерти Шукшина в Сростках родились Шукшинские чтения, такой народной любви, как к Василию Макаровичу, не было ни у одного писателя, думаю, в меньшей степени ощутили эту любовь Белов, Распутин, Астафьев, Абрамов... У каждого писателя есть свой «Тихий Дон», у Виктора Петровича Астафьева это «Царь рыба», «Последний поклон», у Валентина Распутина – «Прощание с Матерой», у Гоголя – «Тарас Бульба». У меня – это роман «Поздний сын». Было много бесед с Валентином Распутиным, прошло много лет, и я всё чаще думаю, сколько пророческого было сказано нашим гениальным сибирским писателем. Несколько слов хочу сказать о Василии Ивановиче Белове – это великий писатель, совесть нации, совесть русской литературы. В прошлом году я был на Беловских чтениях, потрясающе всё это, и по-хорошему потрясающе. Распутин издавали больше, чем Белова, судьба его в этом плане была печальней, и это очень грустно. Сразу вспоминается выдающийся труд писателя-деревенщика под названием «Лад». Помню, я отправил с оказией Василию Ивановичу свою книгу, она была

о местных обрядах, быте нашего сибирского народа. В ответ он прислал свою книгу рассказов. Думал, прочитаю маленько перед сном, а прочитал до утра. Читать Белова – высочайшее литературное наслаждение, мало с чем сравнимое».

Сидя в уютном зале нашей центральной библиотеки, я думал, как построить будущий очерк о приезде в наш город знаменитого писателя. И наверняка я нарушу литературные какие-то правила, но я не писатель, во-первых, а во-вторых, живу у себя в своей родной Отчизне, и имену, наверное, право просто высказать своё мнение, но в данном случае, я просто переписываю слова Анатолия Григорьевича с диктофона, не обрабатывая. Мне так захотелось, и всё тут, дорого это всё для меня, и это живое слово писателя пересилило все мои доводы, и я снова включаю диктофон, чтобы поведать друзьям, землякам, всем, всем, всем о потрясшей меня до глубины души памятной встрече.

Из зала прозвучал вопрос о детстве писателя.

«Играли в школе спектакль, я играл водяного, отец привёз мне из скотобойни хвост. В нашем селе пели многоголосьем, удивительное пение, а как к празднику готовились, пекли шаньги. Был у нас на селе плотник, а тогда после войны мощно строились, могли, конечно, и выпить мужики, но работу не забывали ни на день. Такова жизнь крестьянская... Один трезвенный мужик, ещё называли таких гуранами, ножки у него были слегка кривоватые. Мужик был сильный, но вот выпивал иногда, а его жена Маруся была дородной такой, не выносила спиртного, сразу выгоняла из дому, бывало, в стайке ночевал, а иногда присядет на лавочку, грустный такой. Спрашиваем, отвечает, что вот, мол, Маруся домой не пускает. Но сильно любил и терпел свою жену. Так вот они вместе в праздники распахнут окна своего дома, и очень красиво поют многоголосьем, нынче таким пением редко кто владеет. В школе – учитель-фронтоник, полный кавалер ордена Славы! Я тогда думал: сколько он фашистов передушил, а с Марусей справиться не мог...»

Много наших деревенских выбились в дальнейшем в люди. Я не случайно об этом говорю, помните рассказ Шукшина «Чудик», там идёт противостояние города и деревни. Много знаменитых людей были ведь именно выходцами из деревень. Вообще Брежневское управление страной было ещё

высочайшим пассионарным взлётом нации, её науки, искусства. Царствие ему Небесное. Надо бы, вообще говоря, памятник поставить Леониду Ильичу Брежневу. Не случайно либералы склоняют Леонида Ильича, много удалось хорошего сделать этому человеку для нашей страны...

Я стеснялся своего пристрастия к литературе, изучал три языка. В детстве писал восторженные стихи, имел пристрастие к рисованию. Однажды лодку от причала оттолкнул, плыву, пою, мечтая стать капитаном, а мама на берегу бельё стирает, грозит, мол, утонешь – домой не приходи. Раньше народ не умел говорить без образа, застал я богатую народную речь. Жила у нас моя тётя Нюра в избе-завалюшке в четыре окна, так она говорила, что у неё в доме четыре телевизора: всё в них обзореваает, всё ведаёт, что на белом свете творится. Сильно уже прибаливала, была вдовой фронтовика, попивала, курила махорку, материлась, потом остепенилась. Но какая красивая, колоритная речь у неё была! Например, она говорит соседке: «Вот идёт Дуська, голь с костями бренчит, но жениха себе отхватила – таракан запечный с усами». Но это только я запомнил, а они ведь всегда так говорили. Отец у меня был очень хороший рассказчик, я рос сильным, но смиренным. Ребята у нас были резкие, чуть что – сразу дрались, но меня уважали: заберёмся на сеновал, я им часами фантазии свои рассказываю, они слушают.

А какирыбалки! Тишина, вдруг – сильный всплеск рыбы, мальчишки страшилки разные рассказывают... В восемнадцать лет на меня свалилась неприятная болезнь, отложение солей на пятке, шпоры, были жуткие боли, такие болезни всё больше на стариков обрушиваются.

Потом поехал поступать учиться в Иркутск, на исторический факультет. Русский язык знал плохо и завалил сочинение, потом посмотрел, так писанина моя после проверки была вся кровавой, в одном слове – четыре ошибки – была такая трагедия моя.

Для меня возвращаться домой было стыдно, поработал год на заводе. Мне всё время казалось, что болванка вылетит с токарного станка и ударит мне в голову, словом, меня всё время переводили, наконец, определили в хозяйственную часть. Но я всё же вернулся в родное село, работал в газете. Помню, Валентин Распутин говорил мне: «Ты пишешь, как Лев Толстой, только

у него сноски с французского, а у тебя – с бурятского».

Потом пригласили в областную газету «Молодёжь Бурятии». Была наглядная агитация тогда, особенно меня поражало, что надо было писать об искусственном осеменении овец, меня это, мягко говоря, смущало... Отработав в газетах в общей сложности три года, поступил в университет на отделение журналистики. Потом меня отчислили, я женился, уехали на заработки на Север. Отчислили за то, что я не посещал занятия по теме «Большевистская печать». Был такой «Ленинский зачёт», и его надо было сдать. Претензия ко мне была за то, что я не посещаю «большевистскую печать», а читал её сам декан Любимов. И вот меня вызывают для сдачи, а я говорю декану, что если бы читал сам Луначарский, то я бы, наверное, посещал «большевистскую печать». У декана глаза на лоб полезли. Студентки жалели меня, говорили, чтобы я покаялся, но я не покаялся, и большинством голосов был отчислен.

И вот после студенческой бедности на Севере мы попали, как в рай. Через год я восстановился и окончил университет. Сейчас я стал пограмотнее, наверное. Самое забавное, что пройдёт много лет, и декан Любимов пригласит меня преподавать, я вёл стилистику...

Я у мамы был последышем, ну, а раз пишу, считала за болезного, дурачка, жалела меня сильно, считала, что мне надо помогать, и вот, когда я учился, братья и сёстры слали мне посылки. Вот если подумать, кто наш сказочный герой Иванушка-дурачок? Он почти святой, если глубоко подумать. У него ведь мудрость Божественная, у него нет земной мудрости. Мне до Иванушки-дурачка, как до небес... У меня уже были изданы романы, и как-то приехал я в родное село, и наш библиотекарь сказала: «Жалко, Толя, что ты незнаменитый, так бы, может, деньги нам дали».

Я, действительно, не такой уж известный. Меня однажды школьник спросил: «Вы Чехова застали?». Я ответил ему: «Нет, только Пушкина».

Ну, вот всё, заканчиваю выступление».

За этой внешней шутовщиной, простотой общения, очень зримо, всей душой я чувствовал огромную кондовую мощь писателя-сибиряка Анатолия Григорьевича Байбородина, именно мощь его словес. Подарил Анатолию Григорьевичу свои книги: «Аналой», «Одинокая лампада

деревни». Он в ответ подарил мне свою книгу «Не родит сова сокола».

И вот встреча закончена, мы все дружно прямо в библиотеке пьем чай. Я рассказываю Анатолию Григорьевичу о дорогой для меня многолетней переписке с Беловыми, о том, что переписка с Ольгой Сергеевной продолжается, слава Богу, и поныне. Эмма Гриб прочитала Анатолию Григорьевичу своё замечательное стихотворение о деревне, и он тепло отозвался о нём. Зина Мирских, как всегда, угощала нас своей очень вкусной стряпнёй. Словом, было всё по-домашнему, и перед нами стоял такой же скромный писатель. И вот мы идём на автобусную остановку, и я на прощание обнимаю Анатолия Григорьевича. На душе и не передать, что творится! Нет, это, конечно же, радость, которую всегда так долго ждёшь. После стоим с Эммой Гриб на остановке, дует сильный холодный ветер, а я с удовольствием слушаю дорогого моего ветерана МВД.

Написал, спустя какое-то время, стихотворение:

Сегодня с Байбородиним встреча.
И я волнуюсь, ибо человек,
Писатель этот - для меня предтеча,
Тревожит душу слово «век».
Он деревенским духом дышит.
Печаль кондовая его видна.
Деревню милую он сердцем слышит,
Сердечность в словах ему дана.
В Отчизне милой все мы самоеды.
На суету мы тратим жизнь свою.
Писатель этот, как и наши деды,
О деревеньке бает так, что подпою.
Расширю я меха тальянки русской
И крепкой самогонкой утеплюсь.
Не ради славы, ради тропки узкой,
Старушки, с вами вновь сольюсь.
И нет на свете ближе той деревни,
Где босоногий ты в портках бежишь.
В ведёрке на рыбалку тащишь черви...
Молитвы позже, малый, сотворишь.

Для тех, кто не знает, приведу в этом повествовании информацию о литературных премиях писателя, чтобы поняли лучше, с каким человеком довелось встретиться.

Премия газеты «Литературная Россия» (1979) — за лучший рассказ года, премия Союза писателей России «Традиция» (1995), премия имени святителя Иннокентия Иркутского (Иркутск, 1996); премия «Отчий дом» имени братьев Кириевских (1999). Лауреат Всероссийского литературного конкурса имени Шукшина (1999); премия губернатора Иркутской области (2002); премия журнала «Сибирь» имени А.В. Зверева (2007). Большая литературная премия России (2007); премия губернатора Иркутской области за достижения в искусстве и культуре (2011) за издание альманаха «Иркутский Кремль» (совместно с Евгением Старцевым). Премия губернатора Иркутской области за достижения в искусстве и культуре (2012) за создание цикла литературных произведений, посвящённых памяти Геннадия Гайдю (в составе творческого коллектива). Национальная литературная премия им. В. Г. Распутина (2018).

Роман «Поздний сын», по сути, это исповедь писателя о своём деревенском детстве. О, Боже! Как же праведно учение Иисуса Христа говорившего: «Будьте как дети»...

На следующий день уже в посёлке Энергетик, библиотеке Сербского, была вновь встреча с Анатолием Григорьевичем. Было много вопросов, и всё прошло очень гостеприимно, как всегда. Жизнь продолжается. Я читаю книгу Анатолия Григорьевича и ни за что никому не скажу, как он мне её подписал, это личное, дорогое, словно наша Отчизна...

Анатолий КАЗАКОВ